

Оглавление

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1. Мистер Окройд покидает дом	5
Глава 2. Мисс Трант отправляется в отпуск.....	54
Глава 3. Иниго Джоллифант цитирует Шекспира и уходит в ночь	95
Глава 4. Мистер Окройд в пути.....	142
Глава 5. Мисс Трант — почти второй Колумб.....	202
Глава 6. В которой Иниго встречает соратника и становится пианистом	257

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1. В которой они становятся «Добрыми друзьями»	317
Глава 2. Очень короткая и целиком посвященная репетициям.....	365
Глава 3. В которой дочь полковника Транта вступает в бой, оказывает упорное сопротивление и, в сущности, побеждает	383
Глава 4. Мистер Окройд в роли «загнанного человека».....	430
Глава 5. Иниго прыгает с поезда и понимает, что влюбился	474
Глава 6. Черная неделя	510

Глава 7. Целиком похищенная из сумки почтальона	564
--	-----

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1. Ветер в Треугольнике	588
Глава 2. Глава неожиданных встреч	627
Глава 3. Иниго в Стране чудес.	673
Глава 4. Бенефис.	707
Глава 5. Длинная и посвященная спасательным работам	737
Глава 6. Мистер Окройд едет домой	792
Эпилог, или Небольшой постскриптум для тех, кому непременно надо знать последние новости	824

Хью Уолполу

*В знак дружбы,
которую не смогло пошатнуть
даже сотрудничество*

Хью Уолполу

*В знак дружбы,
которую не смогло пошатнуть
даже сотрудничество*

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

МИСТЕР ОКРОЙД ПОКИДАЕТ ДОМ

I

Там, далеко внизу, простираются Пеннинские горы — бугристый хребет Англии. Сначала их видно целиком, от Скалистого края до горы Кросс-Фелл, но постепенно мы спускаемся в середину горной гряды, и дербиширские и камберлендские холмы пропадают из вида. Промеж хлопкопрядильных фабрик Ланкашира и суконных фабрик Йоркшира вклинились торфяные пустоши — могучие ветра дуют над вересковыми зарослями и черными камнями, а в гулком воздухе по-прежнему кричат кроншнепы, как кричали еще до прихода римлян. Тут и там проблескивают небольшие горные озерца, которые теперь называют резервуарами. Летом здесь можно гулять, слушая жаворонков, и за целый день не встретить ни единой живой души. Зимой уже через час или два вы заблудитесь и, вполне вероятно, замерзнете насмерть, не дойдя каких-нибудь десяти миль до трамвайных путей Бадфорда или Бернли. Тут расположились Бодкин-Топ, Хай-Грив, Блэк-Мур и Фор-Гейтс-Энд. Это совсем глухие деревушки, почти не изменившиеся со

6 времен Вильгельма Завоевателя, но пока вы не увидите их собственными глазами, вам ни за что не почувствовать промышленно-торговый дух Йоркшира и Ланкашира и не понять, отчего так полюбились местным жителям «Мессия» Генделя и регби. Здешные места хранят множество тайн. У подножия холмов притулились клочки возделанной земли, прозванные «отхватами», — их вырвали из цепкой хватки торфяников, отсюда и название. Справа виднеется длинная полоса дыма, под которой ютятся городишки Западного Райдинга¹, а по дорогам, рельсам и каналам между фабриками путешествуют тюки с шерстью, очесами, тканями и пряжей. Все это тоже вполне можно назвать Отхватом.

Поначалу города кажутся лишь черной каемкой вересковых пустошей, скальной породой, причудливо и в избытке вышедшей здесь на поверхность, но, подъехав ближе, вы заметите сонмы высоких дымовых труб и вереницы домиков из чернеющего камня, похожие на зубчатые гребешки холмов. Эти обдуваемые ветрами пустоши, эти темные звенящие долины, эти фабрики, крошечные дома и нелегкий труд «отхватавания» вскормили особое племя людей: крепких, крепких, чопорных и холодных. У них массивные выступающие подбородки и короткие верхние губы, они подчеркивают согласные, широко растягивают гласные, всегда говорят напористо и не боятся ничего, кроме загадочных правил местного этикета и любых проявлений чувств. Вечером в нижней части неба вы заметите необычные созвездия и ползущих к ним золотых жучков: это уличные фонари и трамваи на хол-

¹ Западный Райдинг — историческая область Англии, входившая в состав графства Йоркшир. — *Здесь и далее примеч. пер.*

мах. Вот только здесь это не просто фонари и трамваи, а маленькие аванпосты цивилизации в забытой Богом глуши, и потому от них веет чем-то смелым и романтическим. Однако сейчас не вечер, а разгар сентябрьского дня. Солнце освещает ближайший к нам городок, который теснится в узкой, избегающей к пустошам долине. Должно быть, это Баддерсфорд¹: на перепутье множества дорог виднеется ратуша, и любой, кто бывал в здешних местах, сразу узнает ратушу Баддерсфорда с музыкальными часами, которые играют «Тома Боулинга»² и «Девуцу из Ричмонд-Хилла»³. Про ратушу говорят, что это «изысканное здание в стиле итальянского Ренессанса», и оно всегда выглядит так, словно попало сюда по ошибке.

Верно, это Баддерсфорд. Смотрите, вон огромная фабрика «Холдсворта и компании», которую никогда не называли изысканной и ни к каким архитектурным стилям не причисляли, зато, судя по виду, ей тут самое место. На солнце сверкает Мидлэндский железнодорожный вокзал, а рядышком блестит стеклянная крыша Баддерсфордского Большого рынка — под его надежным кровом вы можете наскоро поесть, купить ботинки, сковороду, мятные леденцы, отрез на платье или

¹ Баддерсфорд — вымышленный город, фигурирующий и в других произведениях Дж. Б. Пристли. Прототипом Баддерсфорда автору послужил родной Бадфорд, который в XIX веке стал международным центром текстильной промышленности и, в частности, производства шерсти.

² «Том Боулинг» — известная песня Чарльза Дибдина о трагической гибели моряка, впервые исполненная в вест-эндском театре «Лицей» в 1789 году.

³ «Девуца из Ричмонд-Хилла» — популярная песня Джеймса Хука на слова Леонарда Макнелли, написанная приблизительно в 1790 году.

пластинку с шуточными песенками. Приземистое здание слева от ратуши — Конгрегационалистский молитвенный дом Лейн-Энда, чудище, способное разом проглотить две тысячи человек, если им вдруг взбредет в голову послушать «душевные песни и зажигательную службу». Та грязная полоса — либо канал Лидс-Ливерпуль, либо канал Эр-Колдер. Рядом рошица фабричных труб. По большей части они дымят раздумчиво и неторопливо, ведь сегодня суббота, и поток рабочих вылился из больших ворот на улицу четыре часа назад. Некоторые трубы не дымят вовсе; они притихли и стоят теперь как памятники ушедшей эпохе, потому что торговля давно не идет. Возможно, виной тому какие-нибудь парижские, лондонские или нью-йоркские модницы, одна из которых ужаснулась дурному вкусу другой: «Милая, сними это сейчас же!»; потом за ними повторили дамы попроще, а следом и вовсе немодные дамы последовали их примеру, в результате чего станки Браддерсфорда теперь стоят без дела. Да, торговля по-прежнему очень плоха... Но достаточно взглянуть на Браддерсфорд, и вы сразу поймете, что рано или поздно он обязательно выкарабкается: дождется удобного случая и расправит плечи, — такой решительный и мрачный у него вид. Впрочем, сегодня город думает вовсе не о шерсти и не о торговле.

Нечто странное творится на узкой оживленной дороге в западной части города. Она называется Манчестер-роуд; впрочем, чтобы попасть по ней в означенный город, вам пришлось бы сперва залезть на обдуваемую всеми ветрами крышу Англии и провести часок-другой в компании кроншнепов. Странность же в том, что сейчас Манчестер-роуд не видно. Ее затопила серо-зеленая волна — волна матерчатых кепок.

Кепки эти пять минут назад покинули стадион футбольного клуба «Браддерсфорд юнайтед» (люби-

мую команду здесь ласково величают «Юнай-тами»): тридцать пять тысяч мужчин и мальчиков только что посмотрели их игру с «Болтон ундерерс». Откровенно говоря, большей части болельщиков здесь быть не должно. Сопоставив данные статистики с жалкими доходами местных жителей («Как прожить — верней, не умереть — на тридцать пять шиллингов в неделю»), вы легко догадаетесь, что эти люди не могут позволить себе плату за вход. Один шиллинг — изрядная сумма, когда половина фабрик работает три дня в неделю, а другие и вовсе простаивают. Даже самый сведущий экономист подивился бы, откуда у горожан взялось столько шиллингов. Живи этот экономист в Баддерсфорде, он бы все равно не узнал, откуда они берутся, но совершенно точно понял бы, зачем их наскребают. Сказать, что жители Баддерсфорда отдают последний шиллинг ради игры двадцати двух наймитов, — все равно что обзывать скрипку деревяшкой со струнами, а «Гамлета» — бумагомарательством. За шиллинг «Баддерсфорд Юнайтед» явят вашему взору Искусство и Борьбу, сделают вас остроумным критиком, который метко судит о ярких моментах игры и способен оценить удачный пас, острый прорыв, молниеносный удар и вынос мяча защитником или вратарем. Вы уже не просто человек, а болельщик: у вас захватывает дух, когда мяч летит в ворота вашей команды, вы ликуете, когда нападающий мчится напрямик к воротам гостей, воспаряете духом, сникаете, торжествуете и сокрушаетесь, следя за илиадами и одиссеями футбольного мяча. Мало того, вас принимают в члены нового общества, где на полтора часа все становятся друг другу братьями, ибо вы не просто сбежали от лязгающих шестеренок опостылевшей жизни, от работы, жалованья, квартплаты, пособий по безработице, больничных, недовольных жен,

10 хворающих детей, злых начальников и ленивых рабочих, а сбежали вместе со всеми соседями и приятелями, и теперь вы заодно с доброй половиной города: вопите, смеетесь, колотите друг друга по спине и снисходительно роняете замечания, будто король мира. А всего только и надо, что протиснуться через турникет в совершенно новый и великолепный мир, раздираемый Борьбой и осиянный Искусством. Вам обеспечен недельный запас увлекательнейших тем для разговора, который стоит куда больше шиллинга. Человеку, пропустившему последний домашний матч «Юнаитов», следует входить в светскую жизнь Брэддерсфорда на цыпочках.

Среди волны матерчатых кепок можно заметить одну необычную. Она не серая и не зеленая, а грязно-коричневая. В отличие от многих других, она не велика своему обладателю, а, скорее, чуть маловата, хоть он и сдвинул ее на затылок, будто ему жарко, — впрочем, так и есть. Эта кепка, а равно и голова, которой она давно уже не служит украшением, принадлежат жителю Брэддерсфорда, ярому поклоннику «Юнаитов» по имени Ишшия Окройд. Своим необычным библейским именем он обязан отцу, долговязому цеховому мастеру, который делил свободное время между грехом и покаянием, то есть между пивной «Крэйвен Армс» и первометодистской часовней Лейн-Энда, где в день рождения второго сына услышал стих из Первой книги Паралипоменон: «Сыновья Озиила: первый Миха и второй Ишшия»¹. Однако близкие и друзья зовут Окройда «Джессом». Он рабочий, крепко сбит, ростом чуть ниже среднего, не красив и не

¹ Библия. Ветхий Завет. Первая книга Паралипоменон. 23:20. В библейских цитатах сохранена пунктуация источника.

безобразен: нос картошкой, некогда густые 11
усы поредели и поседели, а голубые глаза смотряют на мир хоть и благожелательно, но с намеком на удивление или недовольство (или на то и другое разом). Ему под пятьдесят, последние двадцать лет он живет в тени двух больших фабрик — такие районы здесь называют «фабричный двор» — по адресу Огден-стрит, 51. Вся округа знает его как тихого и порядочного человека. Сейчас он возвращается с матча домой, к субботнему чаю, который в его иерархии предпочтений уступает разве что воскресному ужину. Мистер Окройд сотни раз преодолевал этот путь — от стадиона до дома, — но сегодняшняя суббота в конце сентября для него особенная (хотя сам он об этом пока не догадывается). Мы застали мистера Окройда на пороге великих событий: Судьба и Случай готовят ему западню. Прямо у него под носом заманчиво болтается конец веревочки. Давайте же посмотрим, что будет с ним дальше.

II

Неспешно шагая по Манчестер-роуд в плотном окружении соболельщиков, мистер Окройд поймал себя на думах о тщете жизни. Он вдруг пал духом, что вообще-то случалось с ним крайне редко. Возможно, причина заключалась в его физическом состоянии: он был потный, пыльный и усталый, с утра отработал смену на фабрике, пообедал в спешке, потом примчался на стадион и с тех пор ни разу не присел. Манчестер-роуд еще никогда не казалась такой тесной и душной; в толпе было не продохнуть. А что за матч! Мистер Окройд впервые пожалел, что пошел. Ни одного гола. Ни с той, ни с другой стороны. Даже гол

12 в ворота «Юнаитов» немного оживил бы обстановку и встряхнул игроков. Первый тайм не порадовал: браддерсфордцы все бегали перед воротами «Уондерерс», да так и не забили — безобразие, а не футбол. Второй тайм принес сплошное разочарование: обе стороны почему зря пинали мяч — детская возня, право слово... Таким безрадостным думам мистер Окройд предавался, шагая в толпе по Манчестер-роуд, а ярдов через триста, когда людей вокруг стало поменьше, даже высказал их вслух: к нему обернулся старый знакомый, которого он ненароком пихнул в спину.

— Здра, Джесс! — поприветствовал тот мистера Окройда, вынув изо рта имитацию трубки-калабаша, и загадочно подмигнул.

— Здра, Джим! — ответил мистер Окройд. Это «здра» — очевидно, сокращенное от «здравствуй», — традиционное браддерсфордское приветствие. Звучит довольно угрожающе, что вполне понятно и объяснимо: с жителями Браддерсфорда шутки плохи.

— Ну, — заговорил Джим, сбавляя шаг, — чего думаешь?

— А чего тут думать! — Мистер Окройд цокнул языком, давая понять, что он думает о «Юнаитах».

— Эвон как обмишулились! Я-то ждал, наши ихних за пояс заткнут, — отметил Джим.

— И заткнули б, — сокрушенно проговорил мистер Окройд. — Заткнули б, коли б захотели! В жизни такого позора не видал. Раньше-то получше играли, даже намереди, когда Ньюкасл их подмял.

— Твоя правда! — кивнул знакомый. — Черт-те что, а не футбол. Скоро их школьники обыграют. Шиллинг на ветер, так-то... — Он умолк, задумавшись о потраченном зря шиллинге, а потом вдруг заговорил с большим напором: — Видал нового нападающего —

как бишь его, Макдермотта? На кой они его купили? Девка на поле, ей-богу! А сколько за него выложили, слышал? Две тысячи фунтов!

13

Мистер Окройд выразительно хмыкнул.

— Две тысячи фунтов, шоб его! По сотне за каждый упущенный гол. Уотсон двадцати таких стоил — славный малый, ох славный! Оставили б его, он для них из шкуры вон лез. Выложили две тысячи фунтов, шоб этот Макдермотт мячиком побаловался! — Джим прикурил чудовищных размеров трубку и удовлетворенно задымил. Он только что нашел увлекательную тему для бесед, которая еще сослужит ему службу вечером, в пивной «Заяц и собаки», утром — в клубе рабочих восточного Браддерсфорда, а там, глядишь, и в понедельник, и во вторник.

Мистер Окройд шел молча, прибавив шаг в поредевшей толпе. На углу Манчестер-роуд и Шаттл-стрит они с приятелем встали: отсюда их пути расходились.

— Я вот как смекаю, Джесс, — авторитетно сказал знакомый мистера Окройда, ткнув в воздух мундштуком. Его тянуло пофилософствовать, а в таком расположении духа йоркширский акцент у местных жителей становится еще крепче. — Будь у «Юнаитов» карман поуже, небось знатный вышел бы футболоц! — Его взор затуманился, обратившись в далекое прошлое, когда спортсмены были беднее, а играли лучше. — Память-то мне не отшибло: раньше клуб на таких игроков не зарился, да и работа столько не стоила, стадион непутевый и прочая. А какой был футбол! Мы-то помним, а? Было на что посмотреть. Терь не то, что раньше, и эль с табачком уж не те — деньги на ветер, от оно как. Ну да ладно, чаю попьем — переживем! Веди себя хорошо, Джесс! — Он отвернулся: последнее напутствие было традиционным браддерсфордским прощанием.

— Бывай!.. — уныло протянул мистер Окройд.

14 Он забрался на верхний этаж трамвая, который должен был провезти его через центр города к остановке в нескольких сотнях ярдов от Огден-стрит, сел, сунул пустую бриаровую трубку в уголок рта и растерянно уставился в пустоту. Временами трамвай дергался, а с ним подавался вперед и мистер Окройд, после чего его тут же отшвыривало на твердую спинку сиденья. Мимо, отдавливая ему ноги, проталкивались крупные пассажиры с увесистыми свертками и острыми локтями. Проехать в трамвае по субботнему Брайдерсфорду — то еще удовольствие.

— Я всегда говорю: везут, как куль с картошкой, — сказал он тучной даме, втиснувшейся на сиденье рядом с ним. Она повернула к нему влажное багровое лицо — оказалось, это миссис Баттершоу, жена хозяйки маленькой лавки в Вулгейте. Лавка была не простая: в ней продавали пищу и для души, и для тела. В одной половине торговали требухой и говяжьим студнем, а во второй музыкой — главным образом песенниками и дешевыми грампластинками. Приезжие часто останавливались у витрины лавки и хохотали, но мы-то знаем, как легко насмешить приезжих; все местные жители считали такое устройство магазина более чем разумным, ведь кто-то хочет требухи, а кто-то музыки, не говоря уж о тех, кому подавай все сразу.

— Ах, да это же мистер Окройд! — Для миссис Баттершоу он был не только постоянным покупателем (исключительно требухи), но и давним соседом. — Я вас не заметила. Как поживаете?

— Сносно, сносно, — ответил мистер Окройд, твердо решив держать язык за зубами.

— Я уже давно хотела вас спросить, — продолжала миссис Баттершоу, — да вы все не заходите. Как ваша Лили устроилась? Куда там ее занесло... в Америку?

— В Канаду! — не без гордости выпалил мистер Окройд. **15**

— А, в Канаду! Это одно и то же, верно? Просто одни говорят так, а другие эдак. Ну, хорошо ей там живется? Вот диво, только вчера ваша девчушка бегала к нам за песенками для пантомины — она у вас любит музыку, правда? — и вдруг глядь: выскочила замуж и уехала в Канаду!

— Все у нее славно, — сказал мистер Окройд, напустив на себя безразличный вид. — Давеча письмишко прислала. — Однако он умолчал о том, что письмо от Лили, начинавшееся словами: «Дорогие папа и мама! Решила написать вам несколько строк. У нас все хорошо, надеюсь, у вас тоже», лежало у него в кармане последние три дня, откуда его в любое время можно было достать и перечитать.

— Обжилась? — спросила миссис Баттершоу. Канада, по-видимому, была в ее представлении одним большим домом.

— Обжилась, как иначе! Годок уж минул, как уехала.

— Да вы что! Целый год! Быть не может! — При каждом рывке трамвая миссис Баттершоу выплевывала новое восклицание. — За кого ж она вышла? Дай Бог памяти... Скоро собственное имя позабуду, честное слово!

— За Джека Клафа, младшего сынка старика Сэмми. Он еще служил портным у Шарпа.

— Ах да! — возгласила миссис Баттершоу. — Помню-помню. Он к нам частенько хаживал, шуточные песни покупал и прочее. Хороший парень, потешный такой, бойкий. Да и ваша Лили страсть какая бойкая!

— Что правда, то правда. Ее издали слышно. — Мистер Окройд старался говорить безразличным тоном, однако голос его потеплел, а глаза озарились нежным светом воспоминаний. Он души не чаял